

УДК 81'27

UDC

DOI: 10.17223/18572685/45/7

СЛАВЯНСКОЕ ЯЗЫКОВОЕ ПРИСУТСТВИЕ В КИТАЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. (НА МАТЕРИАЛЕ ХАРБИНА – ЦЕНТРА РУССКОГО ВОСТОЧНОГО ЗАРУБЕЖЬЯ)

Е.А. Оглезнева

Томский политехнический университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 30

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Авторское резюме

В статье рассматривается славянское присутствие и функционирование славянских языков на неисконной славянской территории – в Китае. Автор указывает на несколько территорий Китая, где в XX в. происходило активное взаимодействие местного и славянского этносов. Основное внимание в статье сосредоточено на городе Харбине – центре русского восточного зарубежья в первой половине XX в. В фокусе исследования оказались такие славянские языки, как русский, украинский, польский и белорусский. Автор анализирует социально-исторические и культурные факторы, обусловившие присутствие славянских языков в Китае в указанный период, выявляет состав славянских идиомов и их статус. С учетом этих факторов определены коммуникативная и демографическая мощности славянских языков в Китае первой половины XX в. и предпринят опыт научной интерпретации этих величин.

Ключевые слова: социолингвистика, славянские языки, Китай, сферы использования языка, демографическая мощность языка, коммуникативная мощность языка.

SLAVIC LANGUAGES IN CHINA IN THE EARLY 20TH CENTURY (A CASE STUDY OF HARBIN – THE CENTER OF THE RUSSIAN EAST ÉMIGRÉ COMMUNITY)

E.A. Oglezneva

Tomsk Polytechnic University
30 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: eoglezneva@yandex.ru

Abstract

The article dwells on functioning of Slavic languages in the non-Slavic territory – China. The author indicates some Chinese territories with active interaction between the local and Slavic ethnic groups in the 20th century. The article focuses on functioning of Ukrainian, Polish and Belarusian in Harbin, which was the center of the Russian East émigré community in the early 20th century. The author analyses social, historical and cultural factors determining the presence of Slavic languages in China of that time and describes the structure and status of Slavic idioms. Finally, the author identifies and describes the communicative and demographic capacity of Slavic languages in China in the early 20th century.

Keywords: sociolinguistics, Slavic languages, China, spheres of using the language, demographic and communicative capacity of the language.

Этносы, как известно, – это исторически сложившиеся группы людей, характеризующиеся общностью происхождения и, соответственно, изначально – общностью территории, а также культуры и языка как части культуры (Бромлей 1987: 14; НЭС 2001: 1410 и др.). С течением времени в результате миграционных процессов территориальный признак может переставать быть признаком этноса, если какая-либо его часть оказывается на этнически неисконной территории. С этой точки зрения представляют интерес границы распространения славянского этноса, специфика его бытования и судьбы на новых территориях, особенно на исконно неславянских, в частности в Китае.

Цель статьи – анализ славянского языкового присутствия в неславянском окружении – на территории Китая в XX в. на фоне исторических обстоятельств, обусловивших это присутствие.

Китай – страна, у которой особые взаимоотношения со славянским этносом и славянскими языками. Речь главным образом идет о русских как наиболее представленной количественно в Китае славянской группе и о русском языке, но не только о них. На карте Китая можно обозначить несколько территорий, языковая ситуация которых не может быть охарактеризована без присутствия славянского компонента. При этом в зоне взаимодействия оказались различные идиомы: не только литературные формы языков, но и их диалекты. Результат этого взаимодействия отчасти был предопределен генетическим и типологическим несходством взаимодействующих языков (китайский – сино-тибетский, изолирующий, и славянские – индоевропейские, флективные), а также различным статусом этих языков, обусловленным социальными факторами.

Укажем известные точки славяно-китайского этнического и языкового взаимодействия в Китае:

1) город Харбин начала и середины XX в., являвшийся многонациональным и многоязычным городом – центром русской восточной эмиграции, а также линия Китайско-Восточной железной дороги – КВЖД (1898–1960-е гг. XX в.): здесь функционировали русский, украинский, польский, белорусский, чешский языки;

2) район так называемого Трехречья – долина рек Ган, Дербул и Хаул на западе Маньчжурии (с 20–30-е гг. XX в. до настоящего времени): здесь функционировал русский язык;

3) правый берег реки Амур в провинции Хэйлунцзян с 20–30-х гг. XX в. до настоящего времени: здесь функционировали русский и украинский языки;

4) Синцзян, где проживали русские старообрядцы (1936–1960-е гг.): там функционировал русский язык;

5) Шанхай, Тяньцзинь, Далянь и некоторые другие города Китая, где существовали русские колонии (20–60-е гг. XX в.): функционировали русский, украинский и, возможно, другие славянские языки;

6) город Хэйхэ (провинция Хэйлунцзян), Хуньчунь (провинция Цзилинь) и другие приграничные города Китая, где в настоящее время более активно, чем в других регионах этой страны и других странах, функционирует русский язык.

Из всех перечисленных территорий особенно следует выделить центр русской восточной эмиграции Харбин, где славянская составляющая выражена наиболее ярко и разнообразно.

Особенной чертой Харбина в первой половине XX в. была его многонациональность. Первая перепись населения в Харбине была произведена в мае 1903 г. Она показала, что в Харбине проживают 15 579 русских подданных и 28 338 китайцев, 462 японца и

200 представителей других национальностей, а в конце 1905 г. в Харбине насчитывалось из числа постоянных жителей более 40 тыс. человек различных национальностей Российской империи (Василенко 1998: 62; Аблова 2004: 66).

В 2010 г. европейское население в Харбине составляло 32 320 чел., из них 31 269 были русскоподданными (**русские, украинцы, белорусы**, армяне, грузины и др.), евреи – 452, германскоподданные (в том числе немцы) – 166, греки – 92, англичане – 83, французы – 60, **поляки – 53**, турки – 40, **чехи – 33**, австрийцы – 21, меньше 20 чел. составляли итальянцы, грузины, испанцы, **болгары**, американцы, шведы и швейцарцы (Василенко 1998: 63).

К началу Первой мировой войны **русских** в Харбине было 64,5 % от общего числа жителей (Василенко 1998: 162).

Харбин быстро развивался, и уже к 1917 г. число его жителей превышало 100 тыс. чел., из них **русских** было свыше 40 тыс. (Аблова 2004: 66). К 20-м гг. XX в. **украинская** диаспора, по разным данным, составляла от 2 до 20 тыс., **польская** – 2,5–5 тыс. (Аблажей 2007: 44).

Кроме подданных России и Китая разных национальностей, в Северном Китае в начале XX в. присутствовали и представители других государств Азии и Европы, оказавшиеся причастными к строительству КВЖД и самого города. Харбин, а также некоторые другие города вдоль железной дороги были открыты для международной торговли. По данным адресной и справочной книги «Весь Харбин на 1923 г.», в то время в Харбине располагались британское, французское, американское, итальянское, голландское, латвийское консульства, японское императорское генеральное консульство, **польское** генеральное консульство, датское, бельгийское и шведское вице-консульства, а также представительство Российской Федеративной Советской Республики (Весь Харбин 1923: 102). В 1926 г. в Харбине состав консульств несколько изменился, но не уменьшился: это были консульство СССР, а также французское, американское, японское, итальянское, германское, датское, нидерландское, **польское**, бельгийское, португальское, латвийское, шведское консульства и эстонское представительство (Весь Харбин 1926: 84–85).

Газета «Новости жизни», выходившая на русском языке в Харбине, 4 марта 1917 г. писала, характеризуя одно из событий того времени: «Улица гудела на десятках разнородных голосов...» (Диао Шаохуа 2001: 188).

Существовавшие в Харбине этнические сообщества сохраняли традиции своих народов, религиозную память и свой язык. В прессе того времени сообщалось о значительных событиях в жизни различных колоний: грузинской, еврейской, мусульманской и др.; многие

национальные меньшинства – эстонцы, поляки, украинцы, грузины, армяне, евреи, татары и некоторые другие – выпускали газеты и журналы на русском или родном языке (Диао Шаохуа 2001: 208–209); в школах в одних классах учились дети разных национальностей: русские, китайцы, чехи, татары, греки, евреи.

Харбин был своеобразным Вавилоном – «международной выставкой рода человеческого» (Василенко 1998: 64). Охарактеризуем славянские сообщества и их языки в Китае, а именно в Харбине первой половины XX в.

Русские и русский язык

Число носителей русского языка в Харбине в начале и середине XX в. постоянно менялось, но обычно было меньше, чем число проживавших в Харбине носителей китайского языка, и больше, чем число носителей всех остальных языков, кроме китайского.

Статус русского языка. По воспоминаниям очевидцев, до конца 40-х гг. Харбин производил впечатление патриархального русского города (ФА. 2002. 30/10)¹, в котором значительная часть населения говорила по-русски. Положение русского языка в Харбине на протяжении XX в. менялось. Это было напрямую связано с численностью русскоязычного населения и его положением.

Можно выделить два качественно различающихся периода:

I. С начала XX в. (момента возникновения русского Харбина) до 50-х гг. (до массовой репатриации и реэмиграции русскоязычного населения из Харбина).

II. С начала 60-х гг. и до конца XX в., а именно до конца русской восточной эмиграции, когда присутствие русских эмигрантов Харбине было сведено практически к нулю.

В первой половине XX в. русский язык в Харбине выполнял многообразные социальные функции, являясь средством официального и неофициального общения русских харбинцев. Это был язык хозяйственно-производственной деятельности, обширной русской периодики и радио, книгоиздательства, устного делового общения и деловой переписки, сферы услуг, документации о статусе частного лица – гражданина России, начального, среднего и высшего образования, культурной (литературной, театральной музыкальной) жизни. Кроме того, Харбин был городом с русским топонимическим пространством. Важно также, что русский язык был там языком религиозного культа, обслуживая наряду с церковнославянским конфессиональную жизнь многочисленных православных общин Харбина. Главной же сферой использования русского языка

в Харбине была сфера бытовая, или сфера семейного и другого неофициального общения².

На протяжении всего обслуживания КВЖД русскими русский язык фактически имел статус *официального*. Официальным языком, следуя социолингвистическому определению этого понятия, считается язык государственного управления, законодательства, судопроизводства (Вахтин, Головкин 2004: 42). Русский язык в Харбине в рассматриваемый период обслуживал все названные сферы: производственные и деловые отношения (Райан 2005: 70–71), а также до 1920 г. и судопроизводство³. Известно, что до 1926 г. в Харбине было русское городское самоуправление, что также требовало использования русского языка как официального (Райан 2005: 88).

Подсистемы русского языка (идиомы). Русский язык в Харбине существовал в кодифицированной литературной форме во всем многообразии стилей (официально-делового, публицистического, научного, художественного, религиозно-проповеднического) и разговорной своей разновидности. Кроме того, в Харбине были носители просторечной и диалектной форм русской речи, встречались элементы жаргона. Таким образом, сферы бытования русского языка в Харбине были практически теми же, что и в метрополии. Все это свидетельствует о наличии полноценной русской языковой среды, способствовавшей наилучшему сохранению русского языка в восточной эмиграции.

Этнические сообщества, носителями которых являлись русско-подданными.

Число носителей. Установить достоверно состав этнических сообществ в Харбине и их численность не представляется возможным. Известно лишь, что они составляют часть того числа, которым исчислены русские. Произошло это по той причине, что русскими в документах обозначались, как правило, все русскоподданные независимо от их национальной принадлежности. Эти цифры и фигурируют сейчас в научных источниках (Василенко 1998: 62; Yukiko Koga 2001: 320; Аблова 2004: 66). Есть основания полагать, что русскоязычные нерусской национальности составляли меньшую долю от общей численности русскоподданных в Харбине.

Статус языков этнических сообществ, носителями которых являлись русскоподданными. Языки указанных этнических сообществ не использовались в качестве языков управления, законодательства и судопроизводства, определить их как официальные даже фактически не представляется возможным.

Подсистемы языков этнических сообществ, носителями которых являлись русскоподданными (идиомы). Русскоподданные **украинцы**,

белорусы, евреи, **поляки**, армяне, грузины и представители других национальностей использовали родной язык – язык этноса – в его обиходно-разговорном варианте при семейном, бытовом и другом неофициальном общении внутри этнических групп.

В официальном общении – в торгово-производственной и деловой сферах, в сфере образования, судопроизводстве нерусские, но русскоподданные использовали русский язык. Оставаясь гражданами России и находясь на государственной службе, они владели русским языком, который продолжал и вне метрополии, в Китае, выполнять важные государственные функции: был языком государственного управления и судопроизводства для российских граждан независимо от их национальности.

В неофициальном общении с русскоговорящими русскоподданные украинцы, белорусы, армяне, грузины, евреи и представители других национальностей использовали русский язык.

Известно также о существовании в Харбине таких сфер жизнедеятельности этнических сообществ, в которых должны были употребляться литературные формы национальных языков: это образование и печать.

Украинцы и украинский язык

Украинская национальная колония в Харбине в 40-е гг. XX в. насчитывала 2 тыс. чел., включая детей. Имелся собственный дом по ул. Новоторговой, в котором находились клуб, библиотека, большой зал со сценой, где проводились также концерты украинского хора, спектакли и слушались оперы украинских авторов. Работал кружок по изучению украинского языка (Хисамутдинов 2002: 282–283)⁴.

В Украинском доме регулярно проходили заседания, на которых делали доклады по истории Украины. Председателем украинской национальной колонии был профессор Харбинского политехнического университета В.А. Кулябко-Корецкий, уроженец Полтавской губернии (Хисамутдинов 2000: 176). Активными деятелями украинской национальной колонии были П.Я. Лисуненко, Ф.Ф. Даниленко, Г.И. Нестеренко. В Государственном архиве Хабаровского края, где хранятся личные дела многих жителей Харбина, сохранилось личное дело Ф.Ф. Даниленко, в котором записано, что он «по своим убеждениям является сторонником полного политического сотрудничества между Украиной и Россией, не одобряет сепаратистических стремлений некоторой части украинской колонии» (цит. по: Хисамутдинов 2002: 282)⁵. Известно, что украинцы проживали не только в Харбине, но и в других городах Китая: Тяньцзине, Шанхае (Хисамутдинов 2002: 283).

В Харбине еще в 1907 г. было создано украинское издательское товарищество, учредителем которого являлся В.С. Опадчий, уроженец Черниговской губернии. Он же в 1907 г. основал и первый украинский клуб. В.С. Опадчий участвовал и в строительстве Свято-Покровской церкви в Харбине, которая с 1920 г. располагалась в Украинском доме, а в 1930 г. была перенесена в специально построенное для нее здание (Хисамутдинов 2000: 228; Хисамутдинов 2002: 244). Эта церковь до сих пор является действующим православным храмом Харбина.

Были открыты и национальные школы: начальная украинская школа, 1-я украинская смешанная гимназия и двухклассное Высшее начальное училище (Потапова 2006: 23).

Известно также о периодике на украинском языке в Китае в XX в. Так, официальным органом украинской национальной колонии был журнал «Вестник», выходила и украинская националистическая газета «Зов України» (Хисамутдинов 2002: 283).

Поляки и польский язык

В Харбине были поляки из России и Польши. Поляками из России было основано свое землячество, а затем учреждено общество «Господа Польска», которое организовывало празднование национальных праздников, благотворительные вечера, о чем писали харбинские газеты (Хисамутдинов 2002: 192–193)⁶.

В Харбине существовало три польских национальных учебных заведения (гимназия им. Г. Сенкевича, школа В.Ф. Лазовского, польское Высшее начальное училище) (Аблова 2004: 129), польские приходские школы при костелах Св. Станислава и Св. Иосафата (Василенко 1998: 64).

Издавались и национальные польские периодические издания, такие, например, как еженедельник «Тыгодник Польски» с приложением «Далеки Всхуд» (Сапелкин 2002: 468; Аблова 2004: 129), польская газета «Ojczyzna» (Хисамутдинов 2002: 193).

Таким образом, украинский и польский языки в Харбине первой половины и середины XX в. были представлены не только обиходно-разговорной разновидностью родного языка, но и его литературной формой.

Белорусы и белорусский язык

Как указывает Н.Е. Аблова, история белорусов в Маньчжурии имеет свои отличительные особенности: «в течение первой половины XX в. в Северо-Восточном Китае не выходило ни одного издания на бело-

русском языке, не существовало ни одной, даже начальной школы и т. п.». Это связано с тем, что «процессы становления национального самосознания, имевшие место в Белоруссии в начале XX в., не находили отражения в среде выходцев из белорусских губерний, переселявшихся в Маньчжурию» (Аблова 2004: 132). Что касается сферы религиозной коммуникации на белорусском языке, то она возникла в конце 20-х гг. XX в., когда в Харбин из Польши для руководства Русской католической епархией византийско-славянского обряда в Маньчжурии был направлен архимандрит Фабиан Абрантович, неудобный католическому духовенству, поскольку он подчеркнуто говорил на белорусском языке, «вызывая этим постоянное раздражение церковных и светских властей Польши, и в итоге был направлен “на працу між чужымі ў Маньчжурыю”» (Аблова 2004: 133). Другие священники-белорусы оказались в Харбине также из-за приверженности идее «белорусского возрождения». Полагаем, в Маньчжурии не было препятствий говорить по-белорусски, и потому сфера религиозной коммуникации на белорусском языке в определенных религиозных жанрах была представлена.

Рассмотрим **демографическую и коммуникативную мощь языков** на территории Китая, а именно в Харбине.

Под *демографической мощью* идиомов понимается «число говорящих на каждом из идиомов в отношении к общему числу населения исследуемого ареала» (Виноградов 1990: 616).

Отсутствие полных данных о количественной представленности различных национальностей в Харбине в начале и середине XX в. не позволяет составить целостной картины явления и рассмотреть данный показатель в динамике. Однако имеющиеся сведения о числе говорящих на разных языках в Харбине в разные периоды его существования как многонационального конгломерата отражают, пожалуй, типическое для Харбина состояние демографической мощи отдельных идиомов.

Так, для 1914 г. демографическая мощь китайского языка соответствует показателю 0,5; русского языка – 0,38; японского – 0,007; английского – 0,0004; корейского – 0,0007; других языков, вместе взятых, – 0,104. Очевидно, что наибольшей демографической мощью в Харбине в 1914 г. обладал китайский язык, вторым по этому показателю был русский язык, демографическая мощь всех остальных языков в Харбине являлась гораздо меньшей.

Демографическая мощь русского разговорного языка обусловлена значительным количеством коммуникативных сфер, в которых он мог быть использован большим количеством людей при внутринациональном и межнациональном общении. Так, все

русские в бытовом и другом неофициальном общении использовали эту форму.

Вывод о демографической мощности русского литературного языка может быть подтвержден данными о количестве грамотного русскоговорящего населения Харбина, поскольку грамотность предполагает владение элементарными навыками литературной речи. Так, согласно однодневной переписи населения Харбина в 1913 г., являлись грамотными на русском языке более 49,59 % жителей города и пригорода Харбина, при этом грамотных на разных языках было 58,13 % (Мальцева, Терехина 2002: 432). Значит, грамотных не на русском языке было всего 8,54 %. Известно, что русской грамоте обучались не только русские по национальности, но и русскоподданные разных национальностей, а также китайцы; в то же время среди грамотных не «по-русски» были грамотные «по-китайски», «по-украински», «по-польски» и др. Полагаем, что грамотные носители русского, украинского, польского языков могли пользоваться его литературной формой в различных коммуникативных ситуациях.

Коммуникативная мощность идиомов определяется числом коммуникативных сфер, обслуживаемых каждым идиомом, в отношении к общему числу таких сфер (Виноградов 1990: 616).

Точно подсчитать число коммуникативных сфер, обслуживавшихся каждым функционировавшим в Харбине начала и середины XX в. языком, не представляется возможным, а это в свою очередь не позволяет достоверно определить коммуникативную мощность идиомов в Харбине рассматриваемого периода, но гипотетически установить данную величину возможно.

Наибольшая коммуникативная мощность среди других идиомов, функционировавших в Харбине того времени, на уровне экzogлосии была присуща **русскому языку**, а на уровне эндоглосии – его литературной кодифицированной форме, так как именно она обслуживала максимальное число коммуникативных сфер, состав которых был непосредственно связан с высоким уровнем специализации жизнедеятельности русских в Харбине: промышленное производство, торговля, строительство, журналистика, юриспруденция, художественное творчество, театр, спорт и др.

Безусловно, более слабыми по коммуникативной мощности были другие славянские языки, функционировавшие в Харбине в начале и середине прошлого века, но и среди них мы наблюдаем различия в степени коммуникативной мощности. Так, **польский** язык, кроме бытовой сферы, обслуживал сферы образовательную, дипломатическую, религиозную и сферу массовой информации; **украинский** –

так же бытовую сферу, сферу массовой информации, театральную и религиозную, **белорусский** – только бытовую и религиозную.

Если состав возможных коммуникативных сфер условно исчислить 11 единицами (хозяйственно-производственная сфера, сфера торговли, юриспруденция, дипломатия, журналистика, школа, наука, религия, театр, спорт, быт), то коммуникативная мощность **русского языка** в начале и середине прошлого века в Харбине будет равняться 1 (ср. с коммуникативной мощностью китайского языка – 0,73, показатель которой ниже, чем для русского языка, что нетипично для языка на исконной территории); **польского** – 0,45; **украинского** – 0,45; **белорусского** – 0,18.

Польский язык имел показатель коммуникативной мощности 0,45. Известно, что, кроме поляков, прибывших в Харбин из России, были поляки из Польши, выполнявшие дипломатическую миссию в польском генеральном консульстве, поэтому количество сфер коммуникации, а соответственно и коммуникативная мощность этого языка в Харбине, выше, чем, например, у **белорусского** языка, все носители которого в Харбине являлись русскоподданными, и этот язык не был задействован в сфере дипломатической коммуникации, а также в сфере массовой коммуникации и образования. Показатель коммуникативной мощности белорусского языка – 0,18.

Подведем итоги. Проанализированные в статье исторические и социолингвистические данные демонстрируют функционирование славянских языков на исконно неславянской территории – в Китае первой половины XX в. Присутствие славянской этнической группы на данной территории обусловлено как государственными интересами России, так и тем, что построенный с помощью России город Харбин и линия КВЖД были привлекательны для разных государств в экономическом плане, что обусловило присутствие на этой территории представителей различных государств, в том числе славянских.

Наиболее представленными количественно из славян являлись русские – титульная национальная группа основного экономического партнера Китая – России. Русский язык демонстрирует максимальную коммуникативную мощность в Харбине (=1), превышая коммуникативную мощность китайского языка при численном преобладании его носителей. В этом проявляется уникальность языковой ситуации Харбина: язык нетитульной нации в первой половине XX в. оказывается коммуникативно мощнее.

Другие славянские языки оказались и демографически, и коммуникативно гораздо менее мощными, что обусловлено меньшей социальной значимостью их идиомов в силу экономических и поли-

тических причин в рассматриваемый период времени на указанной территории.

Коммуникативная мощность украинского, польского и белорусского (0,18) языков в рассматриваемой ситуации оказалась величиной измеримой и немалой, особенно при ее сравнении с демографической мощностью этих языков, которая составляет тысячные доли от целой величины. Достаточно высокая коммуникативная мощность украинского и польского языков ($= 0,45$ у каждого) обусловлена выраженным стремлением носителей этих языков к этническому самосохранению и возможностью поддерживать это с помощью социальных институтов: образования, печати и некоторых других. Коммуникативная мощность белорусского языка ($= 0,18$) ниже в силу отсутствия социальных институтов, способных поддержать язык на неисконной территории и способствовать более длительному его сохранению.

Примечания

1. ФА – фоноархив «Язык русского восточного зарубежья», хранящийся в лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск, Россия) и содержащий записи речи последних представителей русской диаспоры в Харбине, выполненные автором в 2000–2008 гг. В данном случае 2002 – год записи, 30/10 – номера полевого дневника и страницы соответственно.

2. О сферах использования русского языка в Харбине первой половины XX в. с указанием на оригинальные источники см. (Оглезнева 2009: 27–36).

3. Приведем факты и документы, подтверждающие использование русского языка в названных сферах. Так, историк Н.Н. Аблажей, ссылаясь на экономический и краеведческий журнал «Вестник Маньчжурии», выпускавшийся в Харбине с 1925 по 1934 г., указывала на то, что «крупнейшим предприятием в регионе была КВЖД: в 1923 г. дорога обеспечивала работой около 12 тыс. русских», а также на то, что «как и КВЖД, многие русские предприятия города появились здесь еще в начале века; первоначально они основывались при финансовой поддержке русского правительства. <...> Русскими эмигрантами в Харбине были созданы предприятия в сфере мелкого производства, торговли и обслуживания. По результатам обследования оценочно-статистического бюро Харбинского общественного управления, в 1926 г. из 1 154 предприятий Харбина 530 (46 % общего их количества) находились в собственности бывших подданных России» (Аблажей 2001: 130–131). Как отмечает Н.В. Райан, исследовательница языка русской диаспоры в восточном зарубежье

и бывшая харбинка, «китайцы, которые работали на дороге, должны были знать русский язык» (Райан 2005: 70–71). На русском языке осуществлялась торговля в магазинах русских предпринимателей, оказывались бытовые, транспортные, медицинские, юридические услуги, о чем свидетельствуют многочисленные объявления в русских харбинских газетах, информация в городских адресных и справочных книгах (Весь Харбин 1923, Весь Харбин 1926, Коммерческий указатель 1933). На русском языке до массового исхода русских из Харбина совершались почтовые отправления (ФА. 2001. 14/11–12). Приведем примеры документов о статусе частного лица, составленные по правилам дореволюционного русского документооборота и выданные в Харбине: это, напр., «Послужной список» начальника станции Харбин Александра Киприяновича Крапивницкого с записями за период с 1903 по 1914 г., в котором в графе «На какую должность принят, с какого времени и с каким окладом. Повышения и перемещения. Причины оставления службы» указано: «Начальник станции Гаолин-цзы. Перемещен начальником ст. Уцзими. Перемещен начальником ст. Ханьдаохецзы. Перемещен на Западное отделение. Начальник ст. Хайлар. Перемещен на Восточное отделение. И. д. начальн. ст. Харбин. Начальник ст. Харбин». См. также «Аттестат» Михайловой Татьяны, выданный 16 июня 1932 г.: «Предъявительница сего аттестата, ученица Харбинской Русской Частной гимназии М.С. Генерозовой, основ. в 1903 г., Михайлова Татьяна, русская эмигрантка, 18 лет от роду, закончила полный курс названной гимназии. При прохождении учебного курса, а также на выпускных испытаниях она, Михайлова Татьяна, оказала нижеследующие успехи и т. д.» и др. (сокращения в текстах документов сохранены в соответствии с оригиналом). Копии документов имеются в личном архиве автора.

4. Источником информации, представленной в указанном энциклопедическом источнике, послужили публикации в периодических и других изданиях г. Харбина. Например: Р.К. Украина. Шанхай: Изд-во укр. дальневост. националистов. 1937; Украинская национальная колония в Тяньцзине // На пути к Родине. 1939. № 1; Жизнь украинской колонии в Шанхае. Создан украинский эмигрантский комитет // Шанхайская заря. 1940. 11 янв.; Украинская национальная колония // Великая Маньчжурская империя. К десятилетнему юбилею. Харбин: Изд. гос. организации Кио-ва-кай и Гл. бюро по делам рос. эмигрантов в Маньчжур. империи, 1942. С. 318–320; газета «Зов Украины» («The call of the Ukraine»), 1942 и др. (Хисамутдинов 2002: 283).

5. А.А. Хисамутдинов ссылается на следующий архивный источник: ГАХК (Государственный архив Хабаровского края. Ф. 830. Оп. 3. Д. 11798. Л. 26 об., 33).

6. Источником информации, представленной в указанном энциклопедическом источнике, послужили публикации в периодических и других изданиях г. Харбина. Например, Праздник польской колонии // Рубеж. 1931. № 20. 9 мая. С. 17; Польский бал в Харбине // Рубеж. 1937. 20 февр. С. 19; Голко В. К вопросу о конце польской колонии в Маньчжурии // На сопках Маньчжурии. 1999. № 63 (Апр.). С. 6 и др. (Хисамутдинов 2002: 193).

ЛИТЕРАТУРА

Аблажей 2001 - *Аблажей Н.Н.* Хозяйственно-экономическая деятельность российских эмигрантов в Северной Маньчжурии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 2. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2001. С. 130–136.

Аблажей 2007 - *Аблажей Н.Н.* С востока на восток: Российская эмиграция в Китае / Отв. ред. В.А. Ламин. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2007. 300 с.

Аблова 2004 - *Аблова Н.Е.* КВЖД и российская эмиграция в Китае: Международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М.: НД ИД «Русская панорама», 2004. 432 с.

Бромлей 1987 - *Бромлей Ю.В.* Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М.: Наука, 1987. 336 с.

Василенко 1998 - *Василенко Н.А.* О численном и национальном составе населения Харбина в 1898–1917 гг. // Дальний Восток – Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск: Частная коллекция, 1998. С. 62–64.

Вахтин, Головкин 2004 - *Вахтин Н.Б., Головкин Е.В.* Социоллингвистика и социология языка СПб.: Гуманитарная академия; Изд-во Европ. ун-та в СПб., 2004. 336 с.

Весь Харбин 1923 - *Весь Харбин на 1923 год: Адресная и справочная книга гор. Харбина [Текст] / под ред. С.Т. Тернавского.* Харбин, 1923.

Весь Харбин 1926 - *Весь Харбин на 1926 г. Адресная и справочная книга.* Ред.-изд. С.Т. Тернавский. Харбин: Типография Китайско-Восточной железной дороги, 1926. 542 с. // Национальный цифровой ресурс «Руконт».

Виноградов 1990 - *Виноградов В.А.* Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. С. 616–617.

Диао Шаохуа 2001 - *Диао Шаохуа.* Краткий обзор истории русской печати в Харбине // Литература русского зарубежья в Китае (в г. Харбине и Шанхае): Библиография (Список книг и публикаций в периодических изданиях) / сост. Диао Шаохуа. Харбин: Изд-во Бейфан Вен-и, 2001. С. 175–214.

Коммерческий указатель 1933 - *Коммерческий указатель Великого Харбина.* Харбин: Изд-во коммерческого указателя Великого Харбина, 1933. 176 с.

Мальцева, Терехина 2002 - *Мальцева М.П., Терехина В.С.* Общественная жизнь Харбина в начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2002. С. 430–434.

НЭС 2001 - *Новый энциклопедический словарь*. М.: Большая Российская энциклопедия, 2001. 1456 с.

Оглезнева 2009 - *Оглезнева Е.А.* Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2009. 352 с.

Потапова 2006 - *Потапова И.В.* Русская система образования в Маньчжурии. 1898–1945 годы: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2006. 29 с.

Райан 2005 - *Райан Н.В.* Россия – Харбин – Австралия: сохранение и утрата языка на примере русской диаспоры, прожившей XX век вне России. М.: Русский путь, 2005. 208 с.

Сапелкин 2002 - *Сапелкин А.А.* Из истории польской колонии Харбина (1896–1932) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. 3. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2002. С. 464–469.

ФА - Фоноархив «Язык русского восточного зарубежья» (ФА). Хранение: лаборатория региональной лингвистики Амурского государственного университета (г. Благовещенск Амурской обл., Россия).

Хисамутдинов 2000 - *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Азиатско-Тихоокеанском регионе: Биобиблиографический словарь. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 384 с.

Хисамутдинов 2002 - *Хисамутдинов А.А.* Российская эмиграция в Китае: опыт энциклопедии. Владивосток: Дальневост. гос. ун-т, 2002. 360 с.

Yukiko Koga 2001 - *Yukiko Koga.* Appearances of the past: visual preservation and presentation in Harbin // Исторический опыт освоения Дальнего Востока. Благовещенск: Амур. гос. ун-т, 2001. Вып. 4. Этнические контакты. С. 305–323.

REFERENCES

Ablazhey, N.N. (2007) *S vostoка na vostok: Rossiyskaya emigratsiya v Kitae* [From the East to the East: The Russian emigration in China]. Novosibirsk: SB RAS.

Ablazhey, N.N. (2001) *Khozyaystvenno-ekonomicheskaya deyatel'nost' rossiyskikh emigrantov v Severnoy Manchzhurii* [The economic activity of Russian emigrants in the Northern Manchuria]. In: Bolotin, D.P. (ed.) *Rossiia i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh* [Russia and China in the Far Eastern border]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 130–136.

Ablova, N.E. (2004) *KVZhD i rossiyskaya emigratsiya v Kitae: Mezhdunarodnye i politicheskie aspekty istorii (pervaya polovina XX v.)* [CER and the Russian emigration in China: International and political aspects of the history (the early 20th century)]. Moscow: Russkaya panorama.

Bromley, Y.V. (1987) *Etnosotsialnye protsessy: teoriya, istoriya, sovremennost* [Ethnic and social processes: Theory, history, modernity]. Moscow: Nauka.

Vasilenko, N.A. (1998) [The number and ethnic composition of Harbin in 1898–1917]. *Dal'niy Vostok – Severo-Vostok Kitaya: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya i perspektivy sotrudnichestva* [The Far East – Northeast of China: the historical experience of interaction and prospects for cooperation]. Proc. of the International Research Conference. Khabarovsk: Chastnaya kolleksiya. pp. 62–64 (In Russian).

Vakhtin, N.V. & Golovko, E.V. (2004) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of the language]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg.

Ternavskiy, S.T. (ed.) (1923) *Ves Kharbin na 1923 god: adresnaya i spravochnaya kniga gor. Kharbina* [Harbin in 1923: The address and guide book of Harbin]. Harbin: [s.n.].

Ternavskiy, S.T. (ed.) (1926) *Ves Kharbin na 1926 god: adresnaya i spravochnaya kniga* [Harbin in 1926: The address and guide book of Harbin]. Harbin: Chinese Eastern Railway Typography.

Vinogradov, V.A. (1990) Yazykovaya situatsiya [The linguistic situation]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [The linguistic Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 616–617.

Diao Shaokhua. (2001a) Kratkiy obzor istorii russkoy pechati v Kharbine [Short review of Russian press history in Harbin]. In: Diao Shaokhua. (ed.) *Literatura russkogo zarubezhya v Kitae (v g. Kharbine i Shanghai): Bibliografiya (spisok knig i publikatsiy v periodicheskikh izdaniyakh)* [Literature of the Russian immigrants in China (in Harbin and Shanghai): Bibliography (the list of publications in periodicals)]. Harbin: Beyfan Ven-i. pp. 175–214.

Anon. (1933) *Kommercheskiy ukazatel Velikogo Kharbina* [Commercial Guide of Great Harbin]. Harbin: Commercial Guide of Great Harbin.

Maltseva, M.P. & Terekhina, V.S. (2002) Obshchestvennaya zhizn Kharbina v nachale XX v. [The public life of Harbin in the early 20th century]. In: Bolotin, D.P. (ed.) *Rossiya i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh* [Russia and China in the Far Eastern boarder]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 430–434.

Gorkin, A.P. (ed.) (2001) *Novyy entsiklopedicheskiy slovar* [New Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Great Russian Encyclopedia.

Oglezneva, E.A (2009) *Russkiy yazyk v vostochnom zarubezh'e (na materiale russkoy rechi v Kharbine)* [The Russian language in the Russian East émigré community (a case study of the Russian speech in Harbin)]. Blagoveshchensk: Amur State University.

Potapova, I.V. (2006) *Russkaya sistema obrazovaniya v Manchzhurii. 1898–1945 gody* [Russian education system in Manchuria in 1898–1945]. Khabarovsk.

Ryan, N.V (2005) *Rossiya – Kharbin – Avstraliya: sokhranenie i utrata yazyka na primere russkoy diaspory, prozhivshey XX vek vne Rossii* [Russia – Harbin –

Australia: The conservation and loss of the language by the Russian diaspora that lived the 20th century out of Russia]. Moscow: Russkiy put'.

Sapelkin, A.A. (2002) *Iz istorii polskoy kolonii Kharbina (1896-1932)* [The history of the Polish colony in Harbin (1896–1932)]. In: Bolotin, D.P. (ed.) *Rossiia i Kitay na dalnevostochnykh rubezhakh* [Russia and China in the Far Eastern boarder]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 464-469.

Amur State University. (n.d.) *Fonoarkhiv "Yazyk russkogo vostochnogo zaru-bezhya"* [The phonoarchive "The language of the Russian East émigré community]. Blagoveshchensk: Regional Linguistics Laboratory of Amur State University.

Khisamutdinov, A.A. (2000) *Rossiyskaya emigratsiya v Aziatsko-Tikhoookeanskom regione: Biobibliograficheskiy slovar* [Russian emigration in Asian and Pacific region: Biobibliographic dictionary]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.

Khisamutdinov, A.A. (2002) *Rossiyskaya emigratsiya v Kitae: opyt entsiklopedii* [Russian emigration in China: The encyclopaedia experience]. Vladivostok: Far Eastern Federal University.

Koga, Yu. (2001) Appearances of the past: visual preservation and presentation in Harbin. In: Baklanov, P.Ya. et al. (eds) *Istoricheskiy opyt osvoeniya Dalnego Vostoka* [Historical experience of the Far East reclamation]. Blagoveshchensk: Amur State University. pp. 305-323.

Оглезнева Елена Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного Томского политехнического университета (Россия).

Oglezneva Elena – Tomsk Polytechnic University (Russia).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru